

На правах рукописи

Гузикова Мария Олеговна

**«ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ» ЭРНСТА ЮНГЕРА КАК
ПРОЕКТ МОДЕРНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

07.00.03 – всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Екатеринбург - 2004

Работа выполнена на кафедре теории и истории международных отношений факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Валерий Иванович Михайленко

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Ольга Сергеевна Поршнева

кандидат исторических наук, доцент
Мария Петровна Лаптева

Ведущая организация: Липецкий государственный педагогический университет

Защита состоится 2 июля 2004 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан « 1 » _____ июня 2004 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

В.А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Первая треть XX века представляет собой кризисный период перехода от классического модерна к постмодерну. Наступление этого кризиса было в полной мере осознано европейскими интеллектуалами после первой мировой войны. Переход от модерна к постмодерну проходил под знаком процесса, получившего определение «мобилизация масс». Осознание этого процесса подтолкнуло мыслителей первой трети XX века к разработке концепций развития общества, в которых массы и техника рассматривались как основной ресурс для его преобразования.

Несмотря на неоднократные попытки исследователей дать полную картину этой исторической эпохи, многие вопросы остаются открытыми. Одной из лакун в истории является неизученность нереализованных проектов «нового» порядка, созданных интеллектуалами того времени. Настоящая работа представляет собой исследование исторического письменного памятника – раннего творчества Эрнста Юнгера 1920-30-х гг. XX века. В этот период он сформулировал свой вариант ответа на вызовы кризиса модерна, получивший название проекта «тотальной мобилизации». Эрнст Юнгер был выдающейся личностью германской истории XX в., немецким мыслителем, ставшим современником XX столетия: он родился в 1895 г. и умер в 1998 г., не дожив до 103-летия чуть более месяца. Его раннее политико-философское творчество охватывает период от первой мировой войны, проходит через Веймарскую республику и заканчивается установлением нацистского режима в Германии. Письменное наследие Э. Юнгера представляет собой интеллектуальную рефлексии исторического времени.

Термин «тотальная мобилизация» был введен самим Э. Юнгером в одноименном эссе в 1930 г. Первоначально выражение «тотальная мобилизация» в противоположность «всеобщей мобилизации» было одним из основных элементов, позволяющих осмыслить военно-мобилизационный опыт первой мировой войны и применимых для подготовки и проведения будущих военных конфликтов. В последующих работах «тотальная мобилизация» приобрела характер своеобразного политико-философского проекта или идеологического конструкта. Юнгеровский проект «тотальной мобилизации» подвергается анализу как одна из типичных реакций интеллектуалов на кризис модерна. Типичность проекта «тотальной мобилизации» Э. Юнгера в том, что он является одним из многих вариантов интеллектуальной рефлексии периода начала XX века.

Труды Э. Юнгера стоят в ряду таких произведений, как «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета, «Закат Европы» О. Шпенглера, футуристического проекта Маринетти, и других, возможно, не столь «салонных» вариантов «нового» порядка периода 1914-1933 гг. Эти работы объединяет осознание кризиса модерна, ценности, базовые установки и основные институты которого были заложены на рубеже XVII-XVIII вв., и стремление придать современности новые ценности и новое направление.

В отличие от нацистских, фашистских, либеральных, советских политических проектов проект «тотальной мобилизации» Э. Юнгера никогда не был

реализован. Более того, сам автор при всех режимах в Германии являлся интеллектуальным изгоем для политической власти и кумиром диссидентствующей интеллигенции. Это, однако, вовсе не умаляет значение трудов Э. Юнгера для понимания политических и социально-экономических процессов первой трети XX века. В полном смысле этого определения Э. Юнгер являлся «властителем умов». Как отмечает, Г. Ленк, «знание и действие связаны и пересекаются...»¹ Э. Юнгер обладал потрясающим чутьем в отношении социальных и политических «настроений» эпохи, что позволяло ему в ряде случаев предвосхищать развитие событий, обобщать и предсказывать их ход. Как справедливо пишет российский философ В.А. Лекторский, «человеческие действия не только производят и воспроизводят социальные структуры, но в свою очередь сами обусловлены последними»².

Политико-философский проект «тотальной мобилизации», выраженный Э. Юнгером в двух основных неразрывно связанных друг с другом эссе 1930-1932 гг. «Рабочий. Господство и гештальт» и «Тотальная мобилизация», в данном сочинении трактуется как «диагноз эпохи». Слово «диагноз» в контексте юнгеровских произведений имеет принципиальное значение. Автор не подразумевал вынести оценку своему времени или критиковать его, он был настроен на топографирование изменений, хотел встать «над историей»³. Э. Юнгер понимал «эпоху» в соответствии с греч. происхождением этого слова – «εποχή» - воздержание от оценок, отстранение. Его целью было захватить «субстанциональное ядро»⁴ событий. Э. Юнгер был выразителем духа времени, неким рупором, через который трансформации эпохи высказывали себя с концептуальной ясностью и точностью.

Таким образом, в данной работе предпринята попытка не только изучить интеллектуальную рефлексию Э. Юнгера, реконструировать один из модернистских проектов, но и установить его влияние на общественное развитие Германии в 1920-30-х гг., а также внести вклад в изучение исторических и политических процессов в переходные периоды германской истории, прежде всего такого явления этого периода как «массовизм» (по определению Б.Р. Лопухова)⁵, «восстание масс» (по определению Х. Ортеги-и-Гассета) и/или «тотальная мобилизация» (по определению Э. Юнгера), а также определить психологический, идеологический, мифологический, экзистенциальный смысл и фон исторических событий рассматриваемого времени. Тем самым, в более широком контексте исторического исследования изучается положение человека в обществе, конкретной жизненной ситуации.

Проект «тотальной мобилизации» был проанализирован как один из ва-

¹ Ленк Г. К методологической интеграции наук с интерпретационистской точки зрения // Вопросы философии. - 2004. - № 3. - С. 55.

² Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. - 2004. - № 3. - С. 47.

³ Слова, приводимые одним из секретарей Э. Юнгера – Х.-Л. Арнольдтом. См.: Text+Kritik. Ernst Jünger. – 1995. - № 105/106. – С. 3.

⁴ Юнгер Э. Предисловие // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. А.В. Михайловского. – СПб.: Наука, 2000. - С. 58.

⁵ Ср. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. – М.: Наука, 1977. – 295 с. Здесь с. 59.

риантов «нового порядка», который автор пытался возвести вместо прежнего, разрушенного в ходе мировой войны и безвозвратно потерянного в момент поражения Германии и установления Веймарской Республики «порядка» Просвещения. Пытаясь охватить новые черты изменившегося мира, Э. Юнгер концентрировался на таких феноменах, как война, масса, власть, техника.

Ценность изучения трудов отдельного человека для исторической науки состоит в том, что сознание незаурядного человека не просто погружается в мировосприятие своего времени, но преобразует его. Надличностные установки эпохи преломляются, будучи обработанными его видением, происходит испытание и преобразование коллективных матриц и настроений времени. Способ осознания и мотивации входит в историко-культурную объективность, если под объективностью понимать иноположного нам субъекта. Чтобы понять эпоху, нужно понять типичность «привычек сознания» отдельных ее представителей, приемы их видения мира⁶. Идеи Э. Юнгера помогают понять дух его эпохи. Изучение интеллектуального наследия Э. Юнгера как феномена своего времени позволяет исследователю увидеть историческое время сквозь двойную оптику. С одной стороны, взглянуть на личность внутри ее культурной системы и на время сквозь перспективу личности, и, с другой стороны, сквозь свое собственное видение, то есть применить диалоговый способ рассмотрения⁷. Таким образом, объект исторического исследования выступает не как нечто внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой.

В отечественной исторической науке не было предпринято попыток реконструкции «тотальной мобилизации» Э. Юнгера как проекта модерности. Подобная реконструкция предполагает необходимость анализа политико-философского творчества Э. Юнгера в целом, который также отсутствует в отечественной исторической и философской литературе. Несмотря на большое количество работ зарубежных исследователей, рассматривающих раннее политико-философское творчество Э. Юнгера в контексте модерна, полноценная интерпретация проекта «тотальной мобилизации» в рамках исторического дискурса до сих пор отсутствует. Не было предпринято анализа исторического феномена тотальной мобилизации как этапа индустриальной, социальной, культурной революции европейской цивилизации. Вопрос о локализации проекта «тотальной мобилизации» в исторических координатах периода кризиса модерна был решен лишь отчасти. До сих пор остается неясным, является ли проект «тотальной мобилизации» регрессивно- или прогрессивно модернистским.

Таким образом:

⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – С. 15.

⁷ По словам М.М. Бахтина, «чужая культура только в глазах культуры раскрывает себя полнее и глубже.. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются». См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 334-335. Цит. по: Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. – 1988. - №1. – С. 53.

- назрела необходимость проанализировать исторический феномен тотальной мобилизации через призму отдельного человека, т.е. исследовать проект «тотальной мобилизации» в творчестве Э. Юнгера как авторскую рефлексию исторического времени;

- возникла потребность в разработке методике исследования, объединяющей классические исторические методы исследования и постструктуралистскую методологию.

В этой связи представляется актуальным провести историческую реконструкцию и интерпретацию проекта «тотальной мобилизации» Э. Юнгера в контексте модерности.

Цель исследования – проанализировать проект «тотальной мобилизации» в творчестве Э. Юнгера как авторскую рефлексию исторического времени. Достижение поставленной цели осуществлялось через постановку целого ряда **задач**:

- проанализировать источники и литературу, в том числе, варианты интерпретаций проекта «тотальной мобилизации» Э. Юнгера другими исследователями, включая отчасти и самоинтерпретацию автора идеи; ввести в научный оборот ранее недоступные отечественным исследователям источники; определить хронологические рамки работы в связи с периодизацией творчества Э. Юнгера;

- выявить предпосылки создания проекта «тотальной мобилизации», в том числе изучить биографию Э. Юнгера, так как обстоятельства его жизни оказали непосредственное влияние на формирование его политических убеждений, и выделить таким образом истоки проекта «тотальной мобилизации»;

- определить специфику методологии познания Э. Юнгера (физиогномический метод, мышление гештальтами);

- реконструировать юнгеровский проект «тотальной мобилизации»;

- сформулировать и осуществить собственную, авторскую интерпретацию этого проекта как «диагноза эпохи», выделив ее основные составляющие и определив его место в ряду других концепций модерна;

- определить место проекта Юнгера в исторической эпохе и выявить степень влияния проекта «тотальной мобилизации» и ареал его действия в период создания;

- обосновать модернистское происхождение проекта Юнгера и его критики модерна.

Объектом исследования являются труды Э. Юнгера раннего периода его творчества (политико-философские эссе: «Рабочий. Господство и гештальт», «Тотальная мобилизация», «О боли»; военные дневники: «В стальных грозах», «Война как внутреннее переживание», «Перелесок 125», «Огонь и кровь» и др., так называемая «национал-революционная» публицистика), представляющие собой непосредственную авторскую рефлексию своего времени, а также работы «консервативного»⁸ периода, комментирующие проект «тотальной мобилиза-

⁸ Здесь автор опирается на периодизацию творчества Юнгера, разработанную в трудах немецких исследователей. См.: Dornheim L. Vergleichende Rezeptionsgeschichte. Das literarische Frühwerk E. Jüngers in Deutschland, England und Frankreich. - Fr/M.: Verlag Peter Lang GmbH, 1987. -VIII, 319, A 165 S. ; H. Segeberg, Regressive

ции» («Maxima-Minima. Заметки по поводу «Рабочего»», «Автор и авторство» и др.).

Взгляды Э. Юнгера претерпели значительную эволюцию. Его творчество совпало по времени со значительными вехами германской и мировой истории. Уже ранний период его авторства можно подразделить на несколько этапов: поначалу Э. Юнгер - «автор дневников и эссеист Первой мировой войны», затем, во время попыток активного вмешательства в политику, - национал-революционер периода середины 1920-х, и, в конце 1920-х - начале 30-х годов, автор как диагност эпохи, «в своем эссе «Рабочий» (1932) эстетически универсализировавший понятия работы и техники»⁹. После захвата власти Гитлером, которого Э. Юнгер называл своим политическим «ментором *ex negativo*»¹⁰, автор становится представителем «внутренней» эмиграции. В это время он создал роман «На мраморных утесах», воспринятый современниками как критика гитлеровского режима. После второй мировой войны автор вступил в позднюю фазу своего творчества, растянувшуюся почти на полвека, во время которой Э. Юнгер этиблировался как консервативный писатель, более не страстный «идеолог и мыслитель»¹¹. Он не изменил своей дикции «сейсмографа» эпохи, но перешел от «диагноза» к «прогнозам», лишенным профетического пафоса раннего периода творчества.

Предмет исследования составляет проект «тотальной мобилизации», являющийся непосредственным ответом Э. Юнгера на вызовы рефлексивной модернизации. В работе проводится реконструкция проекта «тотальной мобилизации» и определение его места в историческом контексте эпохи.

Хронологические рамки исследования взаимосвязаны с творчеством Э. Юнгера, которое охватывает период с 1920 по 1998 гг. Основной акцент в работе сделан на изучении трудов Э. Юнгера 1920-1933 гг., в которых проект «тотальной мобилизации» получил свое оформление. Данный временной промежуток совпадает с ранним периодом творчества автора. После прихода национал-социалистов к власти, Э. Юнгер удалился в так называемую «внутреннюю эмиграцию». С 1946 г. он вновь активно присутствовал на литературной арене Германии и не прекращал своей деятельности до конца жизни. Но это был иной период творчества Э. Юнгера в другой исторический период.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в научной литературе осуществлена историческая реконструкция проекта «тотальной мобилизации» Эрнста Юнгера. Реконструкция и интерпретация проекта «то-

Modernisierung. Kriegserlebnis und Moderne-Kritik in Ernst Jüngers Frühwerk // Vom Wert der Arbeit: zur literarischen Konstitution des Wertkomplexes "Arbeit" in der deutschen Literatur (1770-1930); Dokumentation einer interdisziplinären Tagung in Hamburg vom 16. bis 18. März 1988 / Hrsg. Von H. Segeberg. – Tübingen: Niemeyer, 1991. – S. 337-378.

⁹ H. Segeberg, Regressive Modernisierung. Kriegserlebnis und Modern-Kritik in Ernst Jüngers Frühwerk.// Vom Wert der Arbeit: zur literarischen Konstitution des Wertkomplexes "Arbeit" in der deutschen Literatur (1770-1930); Dokumentation einer interdisziplinären Tagung in Hamburg vom 16. bis 18. März 1988 / Hrsg. von H. Segeberg. – Tübingen: Niemeyer, 1991. – S. 338.

¹⁰ Jünger E. Ausgehend vom Brümmerhof, 1974. Zit. nach: Noack P. Ernst Jünger. Eine Biographie. - Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998. - S. 121.

¹¹ Dornheim L. Vergleichende Rezeptionsgeschichte. Das literarische Frühwerk E. Jüngers in Deutschland, England und Frankreich. - Fr/M.: Verlag Peter Lang GmbH, 1987.

тальной мобилизации» произведена на основе ввода в научный оборот источников, ранее не привлекавшихся в отечественной историографии. В диссертации применен симбиоз классических и постструктуралистских методов познания, позволяющий адекватно реконструировать и интерпретировать проект «тотальной мобилизации». Проект «тотальной мобилизации» был подвергнут системному исследованию как один из несостоявшихся проектов модерна, в то время как в отечественной исторической мысли чаще всего изучаются состоявшиеся проекты, такие, как национал-социалистический, фашистский и др. Проект Э. Юнгера был рассмотрен как характерный для периода социально-экономических, политических, культурных и духовных транзитов.

Методология исследования разработана с учетом того, что в работе автор с одной стороны интерпретирует теоретические конструкты, разработанные Э. Юнгером, а с другой стороны осуществляет рациональную реконструкцию, реактивацию юнгеровских проектов, чтобы затем подвергнуть их научному анализу. Методологическим основанием данной работы является синтез классической и постструктуралистской методологии. Так, автор принимает принцип «историзма», определяющийся как «подход к пониманию истории, подчеркивающий уникальность каждой эпохи, в которой любую ситуацию или период можно понять только в собственных условиях»¹². Данная работа выполнена в русле исторической антропологии, выдающимися отечественными представителями которой были Л.М. Баткин и А.Я. Гуревич. А.Я. Гуревич дал следующее определение этому направлению: «Исследовательский пафос исторической антропологии состоит в раскрытии человеческого содержания истории – во всех без исключения проявлениях общественного человека и, главное, в достижении на этой основе качественно нового исторического синтеза»¹³. Исследуя проект «тотальной мобилизации» Э. Юнгера, закрепленный в корпусе текстов автора, данная работа стремится выявить их внутреннюю сущность и в их структуре увидеть симптомы коллективных мыслительных установок.

В целом работа написана в контексте междисциплинарных подходов, наиболее адекватно отвечающих задачам *интеллектуальной* истории. При рассмотрении исторических феноменов тотальной мобилизации, мифологии и представлений Э. Юнгера о своем времени автор обращался к лингвистическому, переводческому, литературоведческому, философскому и другим видам анализа текста, к использованию феноменологии, семиотики, герменевтики, историко-системного метода, социокультурного и других методологических подходов, эпистемологическому наследству классической и неклассической науки. На наш взгляд, барьеры, выстраиваемые между классическими и постструктуралистскими (неклассическими) методологиями зачастую имеют искусственный характер. Конфликту методологий автор предпочитает их креативный диалог или, используя понятийный аппарат турецкого философа И. Кучуради, подход «к одной и той же проблеме с разных точек зрения»¹⁴. Вместе с тем, автор осознает ограниченность междисциплинарных методов в том контексте, о котором

¹² Большой толковый социологический словарь: В 2 т. – М., 1998. – Т. 1. – С. 264.

¹³ Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология. С. 56-70.

¹⁴ Кучуради И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии. - 2004. - № 3. - С. 7.

справедливо пишет Л.П. Репина: «идеальная междисциплинарность представляется недостижимой»¹⁵.

Источники, на которые опирается исследование, являются текстами в понимании «новой интеллектуальной истории»¹⁶, направления, сложившегося в русле «лингвистического поворота» и «семиотического вызова». Так как основным объектом исторического исследования является текст, подлежащий декодированию и интерпретации, был применен герменевтический метод, предполагающий понимание инаковости авторского языка и мышления и критический подход к собственной предвзятости. Интерпретация юнгеровского проекта «тотальной мобилизации» не может обойтись без изучения его прочтения другими авторами, как своими современниками, так и исследователями.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что разработка данной проблематики позволяет ввести в научный оборот ключевые моменты исторической дискуссии вокруг кризиса модерна и по-новому взглянуть на значение эссеистики Э. Юнгера для установления исторических закономерностей и диагностики современной эпохи. В исследовании изучена степень научной разработанности данной проблематики в отечественной и зарубежной историографии. Материалы и выводы работы могут быть использованы в научных исследованиях по истории идей XX века, а также для разработки лекционных и практических занятий, посвященных социальной и политической истории Германии первой трети XX в., и спецкурсов по проблемам модерна, модернизации и модерности.

В соответствии с результатами исследования на защиту выносятся следующие положения:

- модернистский проект «тотальной мобилизации» Э. Юнгера изучается в рамках дискурса «рефлексивной» модернизации в ее специфически германском варианте; он имеет индикаторы, свидетельствующие о его принадлежности к стадии перехода от модерна к постмодерну;

- проект «тотальной мобилизации» Э. Юнгера представляет собой фундаменталистскую альтернативу ценностям Просвещения;

- проект «тотальной мобилизации» Э. Юнгера исследуется как репрезентативный для нелиберальных проектов интеллектуалов первой трети XX века;

Апробация результатов исследования. Отдельные положения диссертации легли в основу факультативного курса, подготовленного на факультете международных отношений УрГУ («Консерватизм и «консервативная революция», 2000-2001 гг.) и нашли отражение в четырех публикациях. Кроме того, по теме диссертации были подготовлены и прочитаны два доклада (Летняя школа «Институты прямой и представительной демократии», УрГУ, Круг друзей Восточной Европы, Виадринна-Университет, г. Франкфурт-на-Одере, Германия).

Структура работы. Порядок изложения исследуемого материала определяется целями и задачами исследования. В соответствие с этим диссертационное сочинение подразделяется на введение, основную часть, заключение и

¹⁵Репина Л.П. Междисциплинарные подходы к изучению прошлого//<http://www.auditorium.ru/books/2624/text.pdf>

¹⁶ Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. – С. 306.

список использованных источников и научно-исследовательской литературы. Основная часть исследования состоит из трех глав.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются цели и задачи диссертации. Кроме того, обосновываются выбранные хронологические рамки исследования, отмечается, что является его объектом и предметом. Во Введении также определяются методы исследования и базовые понятия работы, раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Кроме того, выявляются предпосылки создания проекта «тотальной мобилизации».

В Главе «Характеристика источников и историография» анализируются источники, необходимые для исторической реконструкции и интерпретации проекта «тотальной мобилизации» Эрнста Юнгера, а также изучается степень научной разработанности темы. Источниками для исследования проекта «тотальной мобилизации» являются труды Э. Юнгера, статьи, письма, дневники, записные книжки.

Основными источниками выступают труды Э. Юнгера, в которых представлен проект «тотальной мобилизации». Это политико-философские «большие эссе»: «Тотальная мобилизация» (1930) и «Рабочий. Господство и гештальт» (1932). Э. Юнгер назвал эссе «Тотальная мобилизация» центральным в своем творчестве. До 1934 г. это сочинение было неоднократно переиздано. В настоящем исследовании была использована первоначальная версия данного эссе 1930 г. «Рабочий. Господство и гештальт», составляющий с «Тотальной мобилизацией» единое целое, впервые был опубликован в 1932 г. Эта наиболее объемная политико-философская работа Э. Юнгера не подверглась сколько-нибудь значительным изменениям. 32 года спустя после появления «Рабочего», в 1964 году, вышло небольшое сочинение «Maxima-Minima. Заметки по поводу «Рабочего»»¹⁷ (1964), содержащее комментарии, заметки и пояснения к «Рабочему» в форме коротких максим. В целом, книга служит двум основным целям – установлению «сейсмографического» кредо Юнгера и очередному подтверждению справедливости пророчеств, высказанных автором в «Рабочем», права которых иллюстрируется современными событиями и процессами.

Также были привлечены все основные произведения раннего периода творчества Э. Юнгера (1920-1933), как литературные, так и публицистические, позволившие получить более четкое представление о процессе создания проекта «тотальной мобилизации». Среди литературных произведений следует особо выделить военные дневники, посвященные переработке опыта первой мировой войны: «В стальных грозах» (1920), «Борьба как внутреннее переживание» (1922), «Огонь и кровь» (1925), «Огонь и движение» (1930 г.). Для более глубокого проникновения в мыслительную структуру Э. Юнгера автор данной работы ознакомился с оригиналами записных книжек, которые составили позднее

¹⁷Jünger E. Maxima – Minima. Adnoten zum “Arbeiter”. - München: Klett-Cotta, 1983. - 71 S.

основу военных дневников. Под общим наименованием «политической публицистики» объединено около 130 статей Э. Юнгера в периодической печати, увидевших свет в период с 1919 по 1933 г. Работы периода после 1934 г. были привлечены в той мере, в какой они так или иначе касаются проекта «тотальной мобилизации».

В работе были использованы документы из собрания Немецкого Литературного Архива (г. Марбах), куда после смерти писателя в 1998 г. было передано его литературное наследие¹⁸. Ценным источником послужили собрания читателей творчества Э. Юнгера (собрание Х.-П де Кудра, Бедекера, Х. Мюльайзена и др.), его переписка, как опубликованная¹⁹, так и неопубликованная. В письмах Юнгер затрагивал некоторые принципиальные, неоднозначные моменты своих произведений, давал авторскую интерпретацию своей концепции в нескольких выразительных фразах. Это тем более ценно, что Э. Юнгер считал невозможным для автора комментировать свои произведения²⁰. Переписка же представляла собой то духовное пространство, в котором идеи писателя выкристаллизовывались и представлялись на рассмотрение близких ему людей. В качестве вспомогательного источника были использованы газетные и журнальные публикации с 1930 по 2000 г. из собрания Архива газетных публикаций²¹, посвященные творчеству Э. Юнгера, а также интервью с ним.

В отечественной исторической науке до сих пор не предпринималось попыток анализа проекта «тотальной мобилизации» Э. Юнгера в контексте проблематики модерна. Подобный анализ предполагает необходимость реконструкции политико-философского творчества Э. Юнгера в целом, которая также отсутствует в современной исторической и философской литературе.

В Советском Союзе работы Э. Юнгера были известны лишь узкому кругу специалистов по германской филологии и философии. Идеологические и политические позиции Э. Юнгера, рассмотренные сквозь марксистско-ленинскую оптику, были отнесены к разряду крайне реакционных и отвергнуты как не вписывающиеся в марксистский идеологический канон. Кроме того, отсутствовал контекст для восприятия и интерпретации произведений Э. Юнгера. Авторы «консервативной революции», а позднее, представители консервативного течения в литературе Западной Германии подпали под тот же идеологический запрет, что и сам Э. Юнгер. В определенной степени, недостаточное восприятие произведений Э. Юнгера в России было следствием его маргинального положения в немецкой литературе.

¹⁸ Автор выражает благодарность доктору Лизелотте Юнгер, давшей свое разрешение на просмотр неопубликованных архивов писателя.

¹⁹ Jünger E. – Schmitt C. Briefe 1930-1983 /Hrsg. H. Kiesel. - Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. – 894 S.; Briefe 1935-1955/ Ernst Jünger; Rudolf Schlichter. / Hrsg., kommentiert und mit einem Nachw. D. Heißeherer. – Stuttgart: Klett-Cotta. – 605 S.; Jünger F.G. “Inmitten dieser Welt der Zerstörung”: Briefwechsel mit Rudolf Schlichter, Ernst Niekisch und Gerhard Nebel / Hrsg. U. Fröschle, V. Haase. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2001. – 229 S.

²⁰ ср. Ernst Jünger an Carl Schmitt am 24.4.1940 anlässlich “In Marmor klippen” «Sie sehen, ich beginne gleich meinen Lesern, mich zu kommentieren, obwohl das der Autor eigentlich vermeiden soll». («Как видите, я подобно моим читателям, начинаю комментировать сам себя, хотя это не подобает автору»). - Jünger E. – Schmitt C. Briefe 1930-1983. S. 94.

²¹ Zeitungsausschnittsarchiv, Dortmund, Deutschland.

Интерес к Э. Юнгеру резко возрос в последнем десятилетии XX в. Начали переводиться и издаваться его сочинения. В 1991 г. были опубликованы фрагменты произведений с 1920-х до 1960-х гг. в журнале «Иностранная литература». Затем был осуществлен и первый русский перевод книги Э. Юнгера: была опубликована его антиутопия «Гелиополис». Роман «В стальных грозах» вышел в издательстве «Владимир Даль» в 2000 г. Тогда же в издательстве «Наука» были опубликованы политико-философские эссе: «Рабочий. Господство и гештальт», «Тотальная мобилизация» и «О боли». В 2002 г. издательством «Владимир Даль» были выпущены дневники периода второй мировой войны «Излучения (февраль 1941-апрель 1945)». Вышло несколько обзорных статей, дающих представление о биографии и творчестве автора (Ю. Солонин (2000, 2002), Б. Хазанов (1996, 1999), В. Рынкевич в соавторстве с А. Лукиным (1991) и др.), а также статей в энциклопедиях (Г. Фигаль (1998), А. Михайловский (2000, 2001), А. Грицанов (2001, 2002)). Кроме того, появились исследования идеологии Веймарской республики, в частности, был исследован феномен «консервативной революции», при помощи которых работы Э. Юнгера были снабжены необходимым историческим контекстом. Сюда относится и монография О.Ю. Пленкова (1997) «Мифы нации против мифов демократии», содержащая главу о национал-революционном периоде Э. Юнгера. Исследователь отметил, что книга Э. Юнгера «Рабочий» «столь же сильно исполнена пафоса промышленной модернизации, как и произведения советских публицистов того же времени; Карл Радек не случайно в юнгеровском рабочем увидел образ Ленина»²². В целом, сочинение О.Ю. Пленкова носит ознакомительный характер, по-видимому, рамки одной главы оказались слишком узки для обстоятельного изучения темы. Из отечественных исследователей наибольший вклад в изучение трудов Э. Юнгера внес философ А. Михайловский – переводчик «больших» эссе писателя и автор первой диссертации о его творчестве на русском языке²³. А. Михайловский прочитал Э. Юнгера как диагноста эпохи, как автора, в произведениях которого «сказалось время». Ему принадлежат глубокие замечания о значении зрения для юнгеровской диагностики эпохи²⁴.

Количество иностранных исследований, имеющих своим предметом труды Э. Юнгера, превышает несколько тысяч наименований. Как указывает библиограф Н. Ридель, творчество Э. Юнгера было исследовано в рамках культурно-антропологического, социально-философского, идеологическо-критического и историко-политического дискурсов. Развернувшиеся во второй половине XX века дебаты о социокультурных феноменах модерна и постмодерна не обошли стороной и творчество Э. Юнгера, тем более, что сам автор своими работами дал обширные комментарии модерну и модернистскому феномену техники. В этот период были опубликованы работы, внесшие важный вклад в разработку

²² Пленков О. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. - СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. - С. 378.

²³ Михайловский А. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 2001.

²⁴ Михайловский А. Дар зрения // Лицейское & гимназическое образование (ЛГО). 1999. - № 5 (12). С. 86–88; Михайловский А. Зрение и ответственность. Образ времени в эссеистике Эрнста Юнгера // Ex Libris НГ. – 18.01. 2001. - № 2 (174). – С. 3.

проекта «тотальной мобилизации» в рамках модернистского дискурса. Основными дискуссионными моментами стали вопросы об модернистском/антимодернистском характере проекта «тотальной мобилизации», а также о его домодерной/модерной/постмодерной направленности.

Г.-П. Шварц (1962) пришел к мнению об антимодернизме Э. Юнгера, считая, что автору в целом было не по себе в модерне²⁵, не указывая, однако, что понимается под (анти)модернизмом. К.-Х. Борер (1978) «первым систематически прочитал Э. Юнгера в контексте модерна»²⁶, редуцировав, однако, понимание модерна до стилизового течения. Литературовед У.-К. Кетельсен (1976) рассматривал труды Э. Юнгера в контексте регрессивного модернизма. Исследователь пришел к выводу, что не столько эстетика его литературных произведений, сколько их содержание делает Э. Юнгера модернистом: «Подобно Бенну, Юнгер видит конец классического буржуазно-либерального духа XIX столетия. Анонимная индустриальная война становится для него сигналом новой эпохи аннулированной личности. Спасительную тотальность Юнгер ищет в прыжке в новую эпоху, которая у него имеет утопические черты»²⁷. Г. Летен (1983/84) назвал позицию Э. Юнгера «габитусом согласия с модернизацией»²⁸. Сравнивая позиции Э. Юнгера и Б. Брехта, исследователь сделал вывод, что они оба являли собой тип интеллектуала, «который рассматривает все достойное почитания наследство, доставшееся ему, на предмет того, достойно ли оно разрушения» и «с радостью» разрушающий «бюргерскую традицию». Способ мышления Э. Юнгера, как впрочем и Б. Брехта, Г. Летен определил как «мышление, которое не объединяет судьбу истины с судьбой индивидуума, как это было в XVIII и XIX столетиях, а хочет отделить ее от фактического обесценивания индивидуальности»²⁹. По мнению исследователя, в 1920-е гг. на широком фронте предпринимается попытка синхронизировать сферу искусства с самым современным технологическим уровнем цивилизации. Так как осуществление этой синхронизации происходит скоропалительно, в Германии это «согласие с модернизацией» принимает довольно-таки экзальтированные формы. Э. Юнгер сформулировал в «Рабочем» (1932) принцип нового «габитуса», который, с различными историко-философскими оттенками, звучал в большинстве манифестов согласия с модернизацией³⁰.

Социолог Д. Херф (1984) в своем основательном исследовании пришел к выводу о реакционности юнгерского модернизма³¹. Под «реакционным модернизмом» Д. Херф понимает течение мысли, чье парадоксальное достижение состояло в том, чтобы примирить антимодернистские, романтические и ирра-

²⁵ Schwarz H.-P. Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. - Freiburg im Breisgau: Verlag Rombach, 1962. - S. 14.

²⁶ Фраза Д. Кинга: King J. "Wann ist dieser Scheißkrieg zu Ende?" Writing and Rewriting the First World War. P. 35.

²⁷ Ibidem. S. 67.

²⁸ Lethen H. Ernst Jünger, Bertold Brecht und der 'Habitus' des Einverstaendnisses mit der Modernisierung // Studi Germanici. - 1983/1984. - N.S. 21/22. - S. 273-289.

²⁹ Ibidem. S. 276.

³⁰ Ibidem. S. 277.

³¹ Указанная работа впервые вышла в 1984 г. Цитаты приводятся из издания Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990. - 251 p.

ционалистические идеи немецкого национализма с «наиболее очевидной манифестацией направленной на достижение цели рациональности, т.е. с современной технологией»³², внедрить технологию как составную часть западной «цивилизации» в немецкую «культуру», не потеряв при этом романтического и иррационального компонента. Р. Бреннеке (1992) присоединился к гипотезе «реакционного модернизма» Д. Херфа.

Х. Ибаньес-Ное (1990) посвятил свою диссертацию³³ философскому истолкованию «Рабочего» как изображению модерна с позиций «истории бытия». Он пришел к заключению, что это произведение представляет собой «образцовое свидетельство стремящегося к апогею проекта модерна. В этом отношении Э. Юнгер находится в обществе Гегеля, Маркса, Ницше и Хайдеггера»³⁴. Как и Х. Ибаньес-Ное, П. Козловски (1991) предложил философскую интерпретацию произведений Э. Юнгера, трактуя его произведения как эпос столетия и мифологию модерна. Согласно П. Козловски, Э. Юнгер одновременно и создает и разоблачает мифологию модерна. Исследователь подчеркнул, что юнгеровский проект имеет ярко выраженный модернистский характер, так как для него характерны два измерения, присущие всем проектам модерна: модерн в них присутствует как быстро текущее историческое время и как время ускоряющегося прогресса. Идеология тотальной мобилизации в ее мифологии и риторике - более модернистская, более радикальная по сравнению с буржуазным модерном»³⁵.

О. Шретер (1993), посвятивший свое сочинение феномену техники в творчестве Э. Юнгера, не ставил своей задачей рассмотрение техники в контексте модернистских дебатов. Однако он сделал несколько важных замечаний о противоречивости, свойственной поискам смысла военного переживания и попыткам Э. Юнгера инструментализировать технику³⁶. Так, он пишет: «Осмысление Эрнстом Юнгером технических феноменов первой мировой войны характеризуется перманентными противоречиями и бессилием. Так как он пытается не анализировать причины войны, а описать ее феномены, он приходит к смыслу происходящего не через аргументацию, а через децизионистское постулирование»³⁷.

Х. Зегеберг (1889, 1990, 1991, 1994), концентрируясь в основном на аспекте техники в эссе Э. Юнгера, значительно обогатил дискуссию о модерности юнгеровских работ. Он, в частности, считает, что для «больших» эссе Э. Юнгера характерно «регрессивное движение, форсированное средствами радикальной модерности»; «поэтому модерность, преодоление модерности и фиксация на до-модернистских образцах можно спроецировать на эту (Э. Юнгера – при-

³² Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 1.

³³ Ibáñez-Noe J. *Freedom and Modernity: An Interpretation of Ernst Jünger's Theory of the Modern Age*. University of Toronto, 1990. (неопубликованная диссертация).

³⁴ Ibidem. P. ii.

³⁵ Козловски П. Трагедия модерна. Миф и эпос XX века у Эрнста Юнгера // Вопросы философии. - 1997. - № 12. – С. 18.

³⁶ Schröter O. "Es ist am Technischen viel Illusion". *Die Technik im Werk Ernst Jüngers*. – Berlin: Köster, 1993. – 202 S.

³⁷ Ibidem. S. 57.

мечание Х. Зегеберга) мыслительную модель»³⁸. Противоположного мнения придерживается историк Т. Рокремер (1994), приводящий три причины того, почему труды Э. Юнгера не следует считать «антимодернизмом»³⁹: во-первых, это понятие слишком широкое, во-вторых, идентификация модерна с Просвещением и Французской Революцией носит нормативный и ограничивающий характер, и, в-третьих, Э. Юнгер ни в коем случае не прославляет до-модерн, а наоборот, стремится к обретению «сообразной времени альтернативы существующего модерна»⁴⁰. К подобному выводу приходит и Г. Кизель (1994): «То, что в текстах Юнгера производит традиционалистское впечатление, есть не выражение его желания вернуться в до-модерн, но попытка перевести дискретный модерн в органо-логический сверх-модерн»⁴¹.

Д. Кинг использовал в своем филологическом исследовании военных дневников Э. Юнгера междисциплинарную модель «классического модерна», модернизационных процессов, травмирующего переживания первой мировой войны и противоречивой реакции «консервативной силы воображения», предложив ему самым новым контекст для прочтения ранних текстов Э. Юнгера. Рассматривая дискретность и противоречивость юнгеровских дневников, он заключил, что его работы несут на себе печать ощущения кризиса культуры, свойственного в той или иной степени всем европейским интеллектуалам того времени. Справедливым представляется мнение Д. Кинга, согласно которому Э. Юнгера следует интерпретировать не только как модернистского писателя, но применять именно мультиперспективный, междисциплинарный подход для герменевтики, соответствующей сложности его письма.

Несмотря на большое количество важных и интересных работ, рассматривающих работы Э. Юнгера в контексте модерна, следует признать наличие лакун в этой области исследования. Не был поставлен вопрос о локализации проекта «тотальной мобилизации» в исторических координатах переходного периода от модерна к некому пост-модерну. Не было выработано единого достаточно фундированного мнения о «векторе» юнгеровских работ: не решен вопрос, следует ли относить проект «тотальной мобилизации» к регрессивному/реакционному либо прогрессивному модернизму. Настоящее исследование оспаривает тезис о консервативной направленности Э. Юнгера на реакционное преодоление модерна и возвращение к до-модерну и принимает сторону исследователей, подчеркивающих прогрессивный вектор политико-философских работ раннего периода творчества автора.

В Главе «'Тотальная мобилизация': концепция нового человека» изучается роль военного переживания и техники в появлении нового человека, способного осуществить проект «тотальной мобилизации». Первая мировая война была осознана Э. Юнгером как центральное переживание модерна, как «собы-

³⁸ Segeberg H. Regressive Modernisierung: Kriegerlebnis und Moderne-Kritik in Ernst Jüngers Frühwerk // Wirkendes Wort. – 1989. - №39. – S. 97.

³⁹ Rohkrämer Th. Die Verzauberung der Schlange: Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim frühen Ernst Jünger / Der Erste Weltkrieg: Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hg. W. Michalka. – München: Piper, 1994. – S. 869.

⁴⁰ Ibidem. S. 870.

⁴¹ Kiesel H. Wissenschaftliche Diagnose und dichterische Version der Moderne. Max Weber und Ernst Jünger. - Heidelberg: Manutius Verlag, 1995. - S. 109.

тие, определившие облик нашей эпохи»⁴². В ходе первой мировой войны традиционные полевые сражения сменились битвой материала; была провозглашена эпоха масс и техники. Технологический прогресс, достижения которого были в полной мере продемонстрированы в ходе войны, стал кульминацией и логическим продолжением модернистских ценностей: рациональности и науки. Эти ценности, предназначенные обезопасить и оградить человека от внешних опасностей, породили машины, обернувшиеся против того, кого следовало защищать.

Смысл военного переживания не был имплицитно присущ войне, он был постулирован Э. Юнгером. Таким образом, Э. Юнгер продемонстрировал отказ стать в ряды «потерянного поколения», признавшего бессмысленность жертв, принесенных на алтарь войны. В 1920-е гг., на поприще политической публицистики, Э. Юнгер объяснил войну тем, что миллионы пали на поле битвы за лучшее будущее Германии. Однако та форма государственного правления, которая появилась после войны, - Веймарская республика, со всеми ее слабостями и недостатками, не отвечала представлениями Э. Юнгера о новой, лучшей Германии, она была лишь «господством неполноценных»⁴³. А значит, как об стране нужна была революция: «Протест будет совершаться не сериями докладов о смысле миссии немецкой нации и не книгами, анатомирующими марксизм, а размеренно и трезво гранатами и пулеметами на уличной мостовой»⁴⁴. Призыв к «настоящей революции со всеми ее признаками и лозунгами»⁴⁵ резко выделяет Э. Юнгера из круга «консервативных» революционеров, в рамках которого еще часто рассматривают. Для автора было очевидно, что война поставила под сомнение все ценности и освободила дорогу к образованию абсолютно нового государства, отвечающего вызовам современного технизированного мира: «За эти годы прояснилась картина будущего государства. Многочисленны будут его корни. Оно будет национальным. Оно будет социальным. Оно будет оборонноспособным. Оно будет авторитарным. Это значит, что новое государство будет принципиально отличаться не только от Веймара, но и от старой кайзеровской империи. Оно будет националистическим. Это будет государство будущего...»⁴⁶.

Война предстала Э. Юнгеру в обличье тяжелой работы, в процессе которой сословные и другие различия нивелировались. Произошла пролетаризация масс. Войско стало, по сути, амальгамированной рабочей массой. Солдат стал все более приобретать типические черты. Война, таким образом, влилась в более обширную картину грандиозного процесса работы. Тотальная мобилизация – «акт, посредством которого широко разветвленная и сплетенная из многочисленных артерий сеть современной жизни одним движением рубильника подключается к обильному потоку воинственной энергии»⁴⁷. Осуществление «то-

⁴² Krieg und Krieger / Hrsg. E. Jünger. - Berlin: Junker und Dünhaupt Verlag, 1930. - S. 1.

⁴³ Jünger E. Arbeiter und Soldaten des 20. Jahrhunderts // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933. S. 432.

⁴⁴ Jünger E. Schließt Euch zusammen! Schlußwort // E. Jünger. Politische Publizistik 1919 bis 1933. S. 224.

⁴⁵ Jünger E. Revolution und Idee // E. Jünger. Politische Publizistik 1919 bis 1933. S. 36.

⁴⁶ Jünger E. Schließt Euch zusammen! Schlußwort // E. Jünger. Politische Publizistik 1919 bis 1933. S. 218.

⁴⁷ Jünger E. Die totale Mobilmachung // Krieg und Krieger (hrsg. v. E. Jünger). - Berlin: Junker & Dünhaupt, 1930. - S. 14.

тальной мобилизации» было возможным в «тотальном» государстве, модель которого была предложена наставником и другом Э. Юнгера К. Шмиттом. Как «тотальная» мобилизация была предложена Э. Юнгером в противовес «всеобщей» мобилизации, так К. Шмитт обозначил современное государство при помощи термина «тотальное» в противовес «нейтральному» государству XIX в. «Тотальное» государство в отличие от своего предшественника распространило сферы своего влияния не только на технико-экономическую область, но и проникло и захватило социальную и ментальную сферы своих граждан. «В этом абсолютном охвате потенциальной энергии, преобразуемой индустриальными державами в вулканических кузнях, наверное, наиболее очевидно проглядывает наступление эпохи четвертого сословия»⁴⁸, приход нового человека, писал Э. Юнгер.

Тип война был радикализирован и мифологизирован Э. Юнгером и возвышен им до репрезентанта новой эпохи. Именно воин огнем и мечом был призван расчистить дорогу новому миру. Но полноценное сращение с механизмами было дано осуществить следующему типу, вобравшему в себя признаки типа воина, - Рабочему. Рабочий Э. Юнгера не имеет ничего общего ни с рабочим в обычном понимании этого слова, ни с рабочим движением. Рабочий – это не социологическая, а метафизическая, мифическая величина. Рабочий не является ни классом, ни сословием. Юнгеровский Рабочий – это тип, порожденный массовым обществом, в котором «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает себя таким же, «как и все», и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью»⁴⁹.

Автор предсказывал сращение техники и человека. Чем больше, по мнению Э. Юнгера, степень отказа человека от притязаний на индивидуальность, тем легче осуществить это сращение. Кульминация такого сращения органики и механики была реализована Э. Юнгером в технократическом государстве Рабочего. Техника служит способом мобилизации мира, которую проводит рабочий. Э. Юнгер замечал, что мобилизация мира с помощью техники является деструктивным процессом, разрушающим старые порядки, приводит к униформизации человека. Но это состояние перехода, предсказывал автор, закончится становлением более стабильного порядка. Использование технических средств постепенно станет чем-то совершенно естественным, машина предстанет еще одним органом человеческого тела.

В процессе определения места техники в мобилизующемся мире Э. Юнгер дал описание современности как «переходного ландшафта»: «Таким образом, в практическом отношении мы сталкиваемся с тем фактом, что наша жизнь разворачивается в некоем промежуточном пространстве, для которого характерно не развитие само по себе, а развитие в направлении вполне определенных состояний. Наш технический мир не является областью неограниченных возможностей; скорее, его можно охарактеризовать как эмбрион, стремящийся

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 310.

достичь совершенно определенной стадии зрелости»⁵⁰. От взора автора не укрылось, что современность не стремится к созданию долговечных форм, ничто не создается в расчете на долгий срок, все носит промежуточный характер и предназначено для недолгосрочного использования: «Здесь нет какого-либо постоянства форм; все формы непрерывно видоизменяются и находятся в динамическом беспокойстве. Нет никаких устойчивых средств; нет ничего устойчивого, кроме роста кривой показателей, которые сегодня обращают в металлолом то, что еще вчера являлось непревзойденным инструментом. Поэтому постоянства нет и в архитектуре, в образе жизни, в экономике, ибо все это связано с устойчивостью средств, как она была свойственна топору, парусу или плугу. [...] Оказывается, что целые поколения уходят, не оставив после себя ни сбережений, ни памятников, но всего лишь отметив собой определенную стадию, определенный уровень мобилизации»⁵¹. Развитие техники привело к новому ощущению времени – время для современного человека стало изменчивой величиной, стало ощущаться его ускорение. Такое ускорение времени влечет за собой увеличение подвижности сознания. Мир, в котором все текуче, не предлагает более никаких прочных ориентиров. Как и культуркритики Х. Ортега-и-Гассет и К. Ясперс, Э. Юнгер связывал развитие техники с отрывом человека от своих корней, от традиции. Однако в отличие от них, автор утверждал, что несмотря на разрушительный характер эпохи преобразований, сам процесс становления нового мира стремится к своей завершенности. Так, «инструменты приобретают большую определенность и однозначность – и, можно сказать, большую простоту. Они приближаются к состоянию совершенства, - и как только оно будет достигнуто, будет завершено и развитие»⁵². По мере совершенствования техники создается единое «техническое пространство», на всем протяжении которого распространяется «техническая тотальность» - «завершенность техники есть не что иное, как один из признаков завершения тотальной мобилизации»⁵³.

Стремление автора не отказаться от техники, но поставить ее на службу «тотальной мобилизации» мира, является модернистским по своему характеру. Отказ от индивидуальности и приветствие вторжения «опасного» в жизненное пространство стали ответом Э. Юнгера на вызовы модернизации. Он был убежден, что развитие техники является конечным процессом, что также говорит о его модернистском наследии. Постмодерн отказался от конечных форм. Рабочий претендует на глобальное распространение, его господство выходит за рамки присущих модерну дистинкций: классов, сословий, границ национально-го государства.

В Главе «'Тотальная мобилизация': концепция нового мира» анализируются контуры нового миропорядка, предложенного Э. Юнгером, в частности ценности и формы его познания. В ходе войны, а также последовавших за ней

⁵⁰ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. А.В. Михайловского. – СПб.: Наука, 2000. - С. 254.

⁵¹ Там же. С. 254-255.

⁵² Там же. С. 256.

⁵³ Там же. С. 257, 262.

тяжелых политических, социальных и экономических потрясений крушение ценностей Просвещения стало очевидным. Присущее Э. Юнгеру отрицание буржуазного порядка и буржуазных ценностей сделали его типичным представителем поколения 1914 г., которое, среди прочего, противопоставляло «цивилизацию» как продукт Просвещения, чуждый германскому духу, немецкой «культуре»⁵⁴. В контексте этого давнего антагонизма было истолковано провозглашение демократии в Германии: «Страстное, принципиальное неприятие этой «системы» вытекало именно из нежелания оказаться в составе ненавистной «империи цивилизации» со всеми ее правами человека, демагогией насчет прогресса и страстью просвещать, с ее тривиальностью, испорченностью и тупыми апофеозами благосостояния»⁵⁵.

Анализируя причины поражения Германии, Э. Юнгер пришел к выводу, что «своеобразие этой великой катастрофы лучше всего, по-видимому, обозначить указанием на то, что гений войны был пронизан в ней духом прогресса. [...] В войне, разразившейся в такой атмосфере, решающую роль должно было играть отношение, в котором стояли к прогрессу отдельные её участники»⁵⁶. Очевидно, что победы смогли добиться «прогрессивные» страны, так как именно характерная для них вера в прогресс позволила им провести тотальную мобилизацию широких слоев своего населения. Германия не приемлет ценностей прогресса⁵⁷, немцам нужны свои действенные лозунги, те «знаки и образы, которые стремятся вознести на своих знамёнах сражающийся человек», «чтобы обеспечить последнюю степень решимости в боевом использовании людей и машин, решимости, необходимой для жуткого похода с оружием против всего мира»⁵⁸. Э. Юнгер задавался вопросом, какие знаки следует начертать на знаменах немецкой «культуры», чтобы затронуть глубочайшие струны народа. В качестве идеала, способного заменить «плоскую веру в прогресс», Э. Юнгеру виделась нация. Но это был видоизмененный идеал нации – «новый» национализм, переживший шок от столкновения с реальностью в первой мировой: «солдатский» национализм. Новому идеалу нации была присуща бóльшая эмоциональная нагрузка, большее стремление всех социальных групп к идентификации с нацией. «Рабочий» был призван дать немецкой «культуре» инструмент борьбы с «цивилизацией». Единомышленники Э. Юнгера сочли, что ему это удалось: «Этой книгой Вы победили Францию без армии, оружия и танков»⁵⁹.

Современность определяется Э. Юнгером как этап перехода от эры бюргера к эре Рабочего. Смене эпох предшествует разрушение фундамента, на котором покоится система бюргерских ценностей. Э. Юнгер считал, что идеи ра-

⁵⁴ Ср. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. - М.; СПб: Университетская книга, 2001. – Т. 1. - С. 63-65.

⁵⁵ Фест И. Гитлер. Биография: В 3 т. / Пер. с нем. под ред. С.З. Случа, П.Ю. Рахшмира. – Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993. – Т.1. - С. 166.

⁵⁶ Jünger E. Die totale Mobilmachung. S. 11,13.

⁵⁷ Разногласия Э. Юнгера с национал-социализмом начинаются именно тогда, когда, несмотря на первоначальную поддержку движения и даже восхищения Гитлером как идеальным воплощением вождя, национал-социалистическое движение выбирает парламентский путь борьбы.

⁵⁸ Jünger E. Die totale Mobilmachung. S. 21.

⁵⁹ Die Schleife. Dokumente zum Weg von E. Jünger. / Zusammengest. A. Mohler. – Zürich: Im Verlag der Arche. – S. 82.

зума, прогресса и индивидуализма не были интернализированы его согражданами. Он отвергал основу гуманистического мировоззрения - представление о человеке как о высшей ценности. Свобода трактовалась им как «способность осознать необходимость и способствовать осуществлению необходимого»⁶⁰. «Свобода индивида возрастает соразмерно его пониманию своей ответственности перед государством»⁶¹. Индивида в его многообразии заменяет унифицированный тип «Рабочего». Автономия субъекта невозможна в эпоху тотальной мобилизации. Картина мира, в которой доминировали разум и рациональность, а, значит, безопасность, сменилась в представлении автора «вулканическим ландшафтом», «опасное» вошло в пределы частной жизни. Индивидуум представлялся слишком хрупким, чтобы совладать с разрушительным процессом смены старых новыми ценностями. Личность должна была уступить тотальности рабочего процесса. Достоинство человека новой эпохи состоит в его заменимости, его функциональности. Такая потребность в типизации была рефлексией и социального атомизма и разобщенности как одного из последствий радикальной модернизации.

Э. Юнгер призывал не только к тому, чтобы осознать тенденции времени. «Героический реализм», по его мнению, состоял в том, чтобы принять и возглавить движение к новому миру. Однако ориентирам этого мира в изображении Э. Юнгера присуща некоторая размытость контуров. Так как они - лишь преемники идеалов уходящей эпохи модерна, то им присуща некая несамостоятельность, отсутствие субстанции. Идеалы и ценности провозглашенной Э. Юнгером рабочей эпохи, кроме очевидного стремления к omnipotentности и функциональности, выстроены как отрицание модернистских идеалов.

Э. Юнгер настаивал на том, что познание гуманистической эпохи не способно увидеть формы грядущих изменений. Модернистское мировоззрение реагирует на последствия модернизации появлением новых познавательных форм. Взамен классической рациональности Э. Юнгер предложил свое решение этой проблемы: стереоскопическая оптика, объединяющая взгляд философа и окуляр зоолога, представляет собой реализацию сращения человека и механизма, к которому стремится рабочая эпоха. Такое зрение, способное вскрыть поверхностную оболочку явлений и разглядеть за ней лишь одному этому зрению явленную истину, является органом познания, сообразным эпохе ускорения времени. По выражению А. Михайловского, «Юнгер ставит перед собой задачу освободить действительность от «шелухи представления»⁶². Стереоскопическое зрение дополняется «магическим», «позволяя не только описывать действительность в ее пластичности, но и синоптически обзрывать внутренние символические взаимосвязи мира»⁶³. «Символические взаимосвязи мира» или, в терминологии самого Э. Юнгера, «бытие в совокупной и единой полноте его жизни», познается путем «видения гештальтов»⁶⁴. Познание мира при помощи гешталь-

⁶⁰ Loose G. Ernst Jünger. Gestalt und Werk. - Fr/M.: Vittorio Klostermann, 1957. - S. 97.

⁶¹ Ibidem. S. 98.

⁶² Михайловский А. Зрение и ответственность. Образ времени в эссеистике Эрнста Юнгера // Ex Libris НГ. - 2001 - № 2 (174).

⁶³ Там же.

⁶⁴ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. С. 96.

тов лишено моральных, эстетических и научных оценок. Это познание имеет по существу анархический характер, оно направлено на отвержение «оценок освободившегося и ставшего самовластным духа», на разрушение «той воспитательной работы, которую провела с человеком бюргерская эпоха»⁶⁵. Единичный человек оправдывается или осуждается в зависимости от его принадлежности к гештальту. Анархический порыв направлен на основательное разрушение бюргерских форм «духа», для того, чтобы освободить дорогу гештальтам «жизни». Результатом должен быть «коренной переворот, а не просто какая-то реакция, желающая отбросить мир на сто пятьдесят лет назад»⁶⁶. Через год после создания «Рабочего», в 1933 г., такой переворот произошел, хотя и не в том качестве, которое подразумевал автор.

Далее была поставлена задача локализации проекта «тотальной мобилизации» в историческом времени модерна. Для этого было предпринято схематическое сравнение модерна и постмодерна с целью очертить переходный период, именуемый кризисом модерна или «рефлексивной модернизацией»⁶⁷. Проект «тотальной мобилизации» Э. Юнгера представляет собой фундаменталистскую альтернативу модерну и заключается в попытке построения радикального, заостренного варианта выхода из кризиса новоевропейской субъективности. Он несет типические черты проектов периода «рефлексивной модернизации» - аналитичность и универсальность. Этот проект претендует на то, чтобы стать фундаментом нового миропорядка и стремится заново оформить человеческую повседневность. Проект «тотальной мобилизации» - знак отхода Э. Юнгера от национал-революционной публицистики, круг тем которой ограничивался внутригерманской проблематикой. «Тотальная мобилизация» – ответ Юнгера на общеевропейский кризис модерна, тематизирующий признаки мировоззренческого и социального кризиса модерна и предлагающий свое, необходимым образом, утопическое решение модернизации модерна. Глобальность (планетарное распространение) предложенного проекта, выход размышления за пределы национального государства являются признаком близящегося перехода к постмодерну. На этом основании «тотальная мобилизация» становится непригодной для непосредственной политической реализации, что подтверждается реакцией на проект непосредственного окружения Э. Юнгера, стремившегося к политическому действию.

Интерпретация проекта «тотальной мобилизации» затруднена без включения этого проекта в контекст эпох. Противоречивое отношение к произведениям Э. Юнгера, свойственное его современникам и критикам, во многом снимается, когда они рассматриваются под углом «рефлексивной модернизации». Становится очевидной типичность юнгеровского «нового порядка». Созданием таких проектов занимались в то время многие интеллектуалы. Некоторые государства пытались насильственно восстановить тотальность утраченного метанарратива. «Тотальная мобилизация» стоит в одном ряду с такими проектами, как, например, «Черный квадрат» Малевича, Баухауз и прочие направления ра-

⁶⁵ Там же. С. 97.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Термин У. Бека.

дикального авангарда. Тотальная мобилизация гештальтом Рабочего у Э. Юнгера – трансцендентная схема будущего, как «Черный квадрат» Малевича – трансцендентная схема всякой возможной картины, «отправная точка для нового искусства, которое не только анализирует старое искусство, но и должно при случае его заменить»⁶⁸. Изучение таких альтернативных модернистских метанарраций, как юнгеровский проект «тотальной мобилизации» позволяет по-новому посмотреть на последовательность модерна, кризиса модерна и нашей современности, которую принято обозначать как постмодерн.

В Заключении сформулированы основные выводы исследования, где сопоставляются выводы первой, второй и третьей глав, подведены итоги изучения проблемы.

⁶⁸ Гройс Б. Фундаментализм как средний путь между высокой и массовой культурой // Ступени. Петербургский альманах. – 2000. - №1. – С. 152.

Работы, опубликованные по теме диссертационного исследования:

1. Философия «тотальной мобилизации» в творчестве Эрнста Юнгера // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – С. 67-74.
2. Модерн и проблема «протофашизма» в творчестве Эрнста Юнгера 1920-1930-х гг. // Сто лет европейской истории. - Екатеринбург: Свердловское отделение АЕВИС, 2000. – С. 3-13.
3. Первая мировая война и ее влияние на творчество Эрнста Юнгера // Тысяча лет европейской истории. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003 . – С. 26-32.
4. Неизвестный пророк. Опыт прочтения Эрнста Юнгера в России // Уральский вестник международных исследований. Выпуск 2. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004 . – С. 128-141.

Подписано в печать . Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ.л. .
Заказ № . Тираж 100.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
Г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.